

На Канатчиковой даче. «Песни счастливой зимы»

Общественный суд был назначен на 25 декабря, но к этому времени Бродский уехал в Москву и 1964 год встретил на Канатчиковой даче, в Московской психиатрической больнице имени Кащенко. В больницу на обследование его устроили друзья в надежде, что диагноз душевного расстройства спасет поэта от худшей судьбы. Этот план был принят на «военном совете» в доме Ардовых с участием самого Бродского и Ахматовой, и осуществить его помогли знакомые врачи-психиатры¹⁸⁸. Тогда же Бродский писал об этом новогодье:

185 *Гордин 2000*. С. 175. Е. Г. Эткинд сообщает, что в действительности автором эпиграммы был поэт М. А. Дудин, вскоре сменивший Прокофьева на посту руководителя ленинградской писательской организации (*Эткинд 1977* С. 155).

186 *Шнейдерман 1998*. С. 194. В феврале Союз писателей послал на суд одного «общественного обвинителя». Никто из более или менее уважающих себя литераторов исполнять эту позорную роль не хотел, в качестве представителя Союза писателей на суд послали молодого литературного поденщика, автора детективных повестей Е. В. Воеводина.

187 Там же. С. 196.

188 См. *Loseff 2004*.

Здесь в палате шестой,
встав на страшный постой
в белом царстве спрятанных лиц,
ночь белеет ключом
пополам с главврачом...¹⁸⁹

Измученный нервным напряжением последних месяцев, Бродский испугался, что он в самом деле потеряет рассудок «в белом царстве спрятанных лиц», и уже через несколько дней потребовал у друзей, чтобы они вызволили его из психбольницы, куда не без труда устроили. Все же желанную справку, видимо, получить удалось, поскольку позднее Ахматова пишет А. А. Суркову: «Спешу сообщить, что Иосиф Бродский выписан с Канатчиковой дачи... <...> с диагнозом шизоидной психопатии и что видевший его месяц тому назад психиатр утверждает, что состояние его здоровья значительно ухудшилось вследствие травмы, кот[орую] больной перенес в Ленинграде»¹⁹⁰.

Сразу по выходе из больницы, 2 января¹⁹¹, Бродский узнал о связи Марины с бывшим другом и устремился в Ленинград для объяснений¹⁹². Через несколько дней он попытался перерезать себе вены (запись об этом в дневнике Чуковской сделана 9 января). Друзья и знакомые воспринимали преследование Бродского и надвигающуюся расправу как ужасное событие общественно-политического значения, но для Бродского в тот момент трагедией была потеря женщины, которую он считал женой, а все остальное – лишь абсурдными обстоятельствами, усугубляющими эту трагедию. Именно под знаком любовной коллизии, а не борьбы с режимом прошел для него 1964-й и следующий годы. И в психиатрической больнице, и в последующие несколько недель до ареста, когда он метался между Москвой, Ленинградом и Тарусой, спасаясь от ленинградских ищеек, он продолжал работать над лирическим циклом «Песни счастливой зимы». Название не было ироническим – цикл проникнут воспоминаниями о счастливом периоде любви, зиме 1962/63 года. Даже стихи, датированные январем 1964 года, биографический подтекст которых страшен, отличаются отрешенным элегическим тоном:

Песни счастливой зимы
на память себе возьми,
чтобы вспоминать на ходу
звуков их глухоту:
местность, куда, как мышь,
быстрый свой бег стремишь,
как бы там ни звалась,
в рифмах их улеглась.
<.....>
Значит, это весна.

189 СИБ-2. Т. 2. С. 11.

190 Ахматова 1996. С. 421. А.А. Сурков (1899-1983), который наряду с Твардовским и Исаковским был ведущим поэтом советского офицоза и влиятельным функционером, втайне преклонялся перед Ахматовой и старался ей помогать. См.: *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.: Водолей; Торонто: Изд-во Торонтского университета, 2005. С. 327-328.

191 На первом заседании суда 18 февраля 1964 г. Бродский говорит, что выписался из больницы 5 января (*Гордин 2000.* С. 182). Это либо описка Вигдоровой, либо оговорка Бродского, либо справка о выписке была датирована 5 января. На самом деле Бродский уже 3 января вернулся в Ленинград, чтобы объясниться с Мариной и Бобышевым.

192 Субъективный, естественно, рассказ об этом см. *Бобышев 2002.*

То-то крови тесна
вена: только что взрежь,
море ринется в брешь.

(ОВП)

В тех реальных обстоятельствах, в которых они создавались, «Песни счастливой зимы» принципиально, даже воинственно, аполитичны. В тот момент допустить в стихи жалобу на удары судьбы или протест означало бы для Бродского уступку обстоятельствам, позволение экзистенциальному абсурду войти в святая святых. Позднее он будет непосредственно справляться в своей поэзии с любым жизненным опытом, но в тот момент это было вопросом выбора: размышлять в стихах о любви и природе, или о паспортных столах, лернерах и правлениях союзов писателей. Исключение составляет только стихотворение «Письма к стене»¹⁹³. Автор не считал его достойным включения в сборники. Скорее всего, он счел изображение самого себя как незащитного «малыша», боящегося смерти («Только жить, только жить и на все наплевать...»), и этической ошибкой, и поэтической банальностью. Но в «Письмах к стене» возникают мотивы тюрьмы, больницы, самоубийства, то есть обстоятельства его жизни в первые недели 1964 года¹⁹⁴. Остальные стихи этого периода, включая и риторически пышную «Прощальную оду» (*СНВВС*), никак не говорят о том, что автор писал их, будучи объектом преследования, травли, сознавая свою обреченность. В свете того, что мы знаем об условиях, в которых Бродский заканчивал «Песни счастливой зимы», окрашенная легкой иронией элегичность любовных стихотворений, медитативность стихов о природе, общий спокойный тон, характерный скорее для английского сквайра или русского помещика девятнадцатого века, чем для бегущего от милиции советского изгоя, – все это получает объяснение как сознательно выбранная нравственная позиция, борьба за внутреннюю независимость. Бродский рассказывал мне, как 18 января 1964 года работал за письменным столом, пользуясь вечером тишины – родители ушли куда-то. Вдруг ввалились милиционеры и стали грозить, что, если он в три дня не устроится на работу, ему будет худо. «Я что-то им отвечал, но все время маячила мысль, что надо кончить стихотворение»¹⁹⁵. Стихотворение, законченное после ухода милиционеров, было о садовнике, который раскрывает ножницы в кроне дерева, как птица клюв – «Садовник в ватнике, как дрозд...» (*ОВП*).